

1

Облик енисейских храмов во второй половине XIX – начале XX в.

2

Человек традиционной культуры в ситуации неопределенности: к вопросу пространственных ментальных установок колонистов-переселенцев в Сибири

3

Цифровые коллекции в области культурного наследия и развитие цифровой инфраструктуры для изучения культуры

4

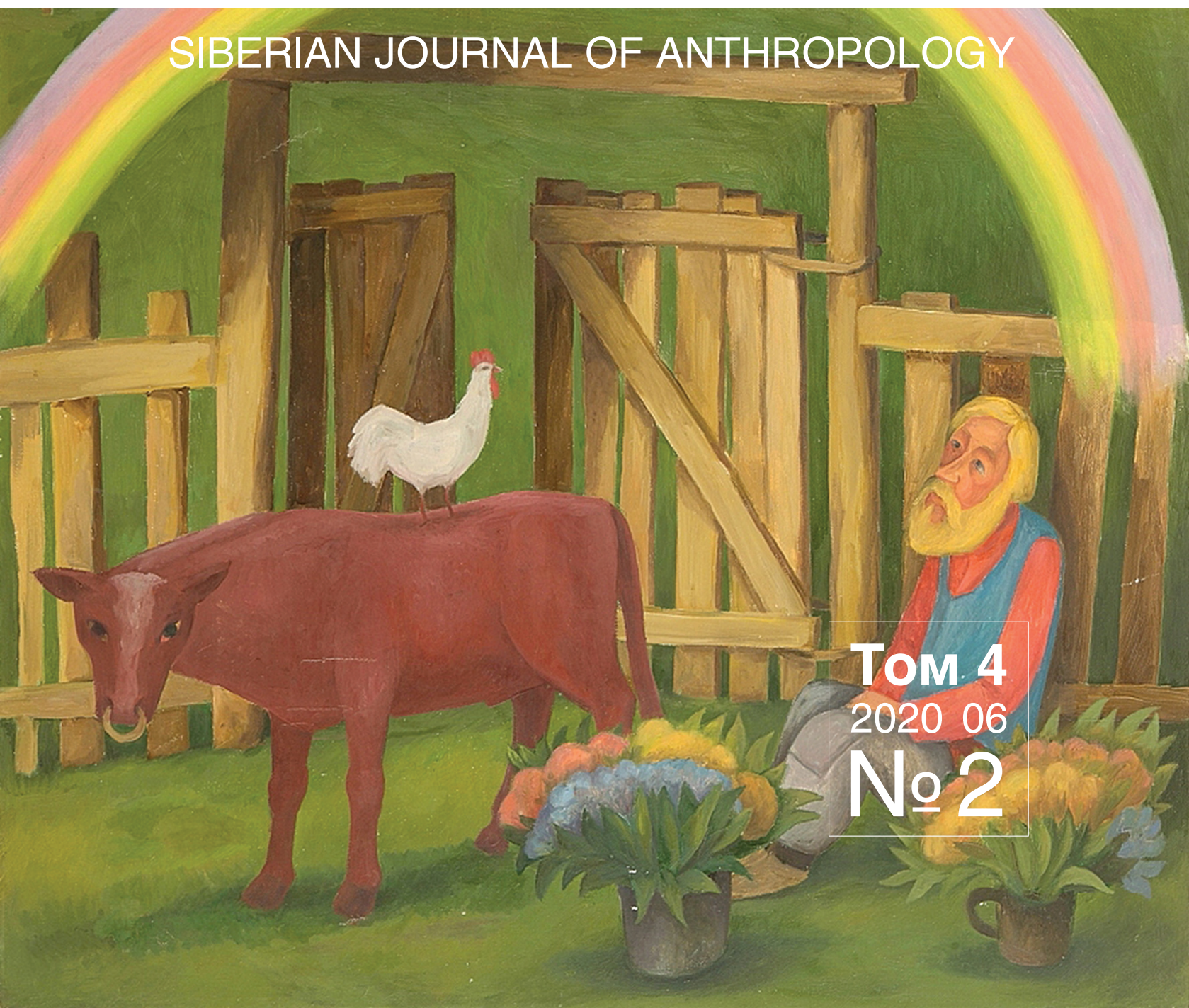
Особенности трансформации организационно-правовой основы городского самоуправления Енисейской губернии в конце XIX века

5

Установление субъектами Российской Федерации административной ответственности за нарушения режимов «карантина» и «самоизоляции»

СИБИРСКИЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

SIBERIAN JOURNAL OF ANTHROPOLOGY

Том 4
2020 06
№ 2

УДК 304.44

К ФОРМИРОВАНИЮ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ: ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ

Лурье Светлана Владимировна¹
Социологический институт ФНИСЦ РАН

Аннотация

Статья представляет собой попытку переформулировать культурологию на основании православной антропологии вместо гуманистической антропологии, на которой она основывается традиционно. В ее основе понимание человеческой природы как трехчастной – дух, душа, тело, а культура трактуется как функция душевного начала. Культура – взаимодополнительна. Она является адаптацией человека к падшему миру – отсюда ее функциональность и интенциональность (сконструированность) присущей ей картины мира, – а также хранилищем символов, отражающих заложенные Творцом в творение смыслов. Статья представляет собой фрагмент большого инициативного проекта, предпринятого автором.

Ключевые слова: культурология, православная антропология, интенциональность, артефакт, символ, интерпретация, культурная картина мира, адаптация.

TO THE FORMATION OF ORTHODOX CULTUROLOGY: FIRST EXPERIENCES

Lourie Svetlana¹
Sociological Institute of the Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences

Abstract

The article is an attempt to reformulate cultural studies on the basis of Orthodox anthropology instead of the humanistic anthropology on which it is based traditionally. It's based on the understanding of human nature as three-part – spirit, soul, body. And culture is interpreted as the function of soulful beginning. The elements of culture are complemented each other. One of them serves to person adaptation to a fallen world. Culture has functionality and intentionality (design) of its inherent worldview. On the other hand, culture is also a repository of symbols reflecting the preplanned meanings of Creator's creations. The article represents a fragment of a large initiative project undertaken by the author.

Keywords. Culturology, Orthodox anthropology, three-part division of person, intentionality, artifact, symbol, interpretation, cultural worldview, adaptation.

DOI: 10.31804/2542-1816-2020-4-2-120-137

Научная специальность: 24.00.01 – Теория и история культуры (культурология).

¹ © Lourie S. V., 2020. Corresponding author E-mail: svlourie@gmail.com
© Siberian Journal of Anthropology. All rights reserved

О необходимости культурологии, построенной на основе православной антропологии

Культурология – специфически российская (до того – советская) наука. Возникла она в США, но там развивалась слабо. Особая наука о культуре, о том, как устроена культура характерна именно для нашей страны. Много в ней определяется реалиями советской истории, тем мировоззрением, которое было характерно для периода, когда культурология пустила корни на нашей почве. А произошло это в те годы, когда «шестидесятники» спорили о физике и лирике. Тогда и культурологи начали спорить о том, является ли культурология наукой об адаптационных механизмах в культуре, понимая их строго в ключе эволюционистской теории, или ее темой являются идеалы и ценности. Все советские культурологи мыслили себя гуманистами, но были и такие, кто, скорее, относил себя даже к таким гуманистам-идеалистам, превыше всего ставящих ценности и идеалы некоей «духовной культуры». Но вот само это идеальное часто лежит в рамках материалистического мировоззрения и соответствует приблизительно тому, что подразумевал советский философ Э. В. Ильенков: «Идеальное – субъективный образ объективной реальности, т.е. отражение внешнего мира в формах деятельности человека, в формах его сознания и воли. Идеальное есть не индивидуально-психологический, тем более не физиологический факт, а факт общественно-исторический, продукт и форма духовного производства» (Ильенков 1968, с. 219). Такой взгляд на идеальное нередок даже тогда, когда сам культуролог полагает себя православным христианином, и в своих научных изысканиях он вольно или невольно вставляет себя в рамки самого настоящего материализма.

И происходит это по инерции, потому что российская культурология как таковая, достигая у выдающихся представителей значительных результатов, несет в себе родовое пятно марксизма. Ее основоположники вынуждены были добровольно (или не совсем) укла-

дывать основы нашей науки в рамки диамата и истмата.

И это казалось совершенно естественным, т.к. почти все гуманитарные и смежные с ними естественные науки несут в себе все то же самое родовое пятно материализма. Плюс к тому, все науки XIX, XX и начала XXI века включают в себя парадигмы, заложенные в них в эпоху Просвещения с ее гуманизмом и материалистической подоплекой. И мы привыкли в этих парадигмах думать, не давая себе в этом отчета. А в основании науки, какой бы внеидеологической, позитивистской она сама себя не провозглашала, всегда лежит философия, и традиционно это идеология материализма и гуманизма.

Задача нашей статьи – попробовать переосмыслить культурологию на основании православной парадигмы. Она представляет собой вводную часть большого инициативного проекта, цель которого – нет, не определить место Православия в системе идеалов, которые изучает культурология. Это, скорее, побочная задача. Наша же идея более амбициозна. Она в том, чтобы построить культурологию на основании православной антропологии, православного учения о человеке, подобно тому, как до сих пор она строилась на основании гуманистической антропологии, материалистической по своей сути.

Дело даже не только в том, что гуманизм ставит человека в центре мироздания, тогда как согласно Православному вероучению, в его центре стоит Бог-Творец. Дело в том, что культурология по сути своей – функция антропологии, и само представление о человеке в православной антропологии принципиально другое, нежели в гуманистической. А потому и культурология, построенная на иной антропологии, получается совсем другой.

В определенном смысле это означает, что мы хотим переписать всю культурологию. Это, конечно, не значит, что мы намереваемся отказать от накопленного ранее ценного багажа. Напротив, мы хотим его интегрировать в нашу версию культурологии, найдя ему соответствующее место. Более того, некоторые основные положения советской и российской

культурологии будут основными и у нас,... немало в другом контексте.

Контекст этот объясняется как раз отказом от гуманистической антропологии, где человек альфа и омега мироздания, а потому и культура представляется высшей ценностью. С точки зрения православной антропологии культура выглядит в ином ракурсе, ее значение в известной мере инструментально. Тем не менее, оно более определено, конкретно и более структурировано. Отчасти, как это ни парадоксально, трактовка нами культурологии в большей степени смыкается с трактовкой тех культурологов, для которых эта наука была не совсем гуманитарной дисциплиной, а отчасти естественнонаучной: это касается прежде всего адапционистского подхода, казалось бы, наиболее материалистического. Поскольку первичная функция культуры, когда мы смотрим на нее с точки зрения православной антропологии, – именно что адаптация. С помощью культуры человек адаптируется к падшему миру. Культура – это те самые «кожаные ризы», в которые оделся изгнанный из рая Адам.

Двенадцать тезисов о культуре

В нашей статье мы, конечно, не сможем подробно затронуть всего, что касается культуры, между тем, для понимания тех вопросов, на которых мы остановимся, важен их контекст, место в нашей общей теории культуры. Потому мы предварим наши рассуждения несколькими краткими тезисами о культуре, призванными дать ее целостную картину, а потом некоторые из них разовьем в следующих главах статьи.

Итак, что такое культура?

1. Культура – это среда, в которой человек живет и действует.

2. Культурным является все, что исходит от человека, порождается человеческой мыслью и распространяется посредством человеческого действия. Вне культуры стоят материальный и духовный миры до того, как они осознаются человеком. Осознавая их, человек вставляет и их в культурный контекст.

3. Если рассматривать трехчастный состав человека – дух, душа, тело – с культурой сопряжена именно душа. Культура есть функция души, психеи, психологии. Духовное вне культуры, но оно, не будучи культурным, в падшем мире существует в культуре, как в среде.

4. Культура – это и средство адаптации человека к падшему миру. Культура помогает человеку приспособиться к некомфортному, отчужденному от него миру.

5. Душа человека тесно связана с человеческой телесностью, а потому имеет общие черты и с животной душой. Культура имеет ярко выраженный срез, который представляется скорее естественнонаучным, чем гуманитарным. В этом отношении не вполне лишено смысла сопоставление функции культуры в человеческом обществе с функцией инстинкта в мире животных. В данном контексте культурные ценности технологичны, а культура рассматривается как технология.

6. Культура отражает всю душевную деятельность человека, в том числе и витальную функцию души, а потому культура непосредственно связана с удовлетворением человеком своих жизненных потребностей, включая социорегулятивную. Человеческое общество – социальный организм.

7. Основополагающая культурная способность человека – способность к интерпретации и символизации материальной и духовной реальности. Культурная картина мира есть продукт и инструмент интерпретации.

8. Культура – это и концептосфера, система концептов-толкований, пониманий идей и ценностей, присущих той или иной культуре. Концептосфера во многом определяет видение человеком мира. Кроме того, она – хранилище человеческого опыта и памяти, в том числе и опыта достижения высших смыслов, памяти Адама и опыта Богообщения в человеческой жизни и истории.

9. Через культуру – которая есть язык, понятный человеку в этом временном мире, – выражает себя Творец. Значения вещей, их логосы, которые и в условиях падшего мира воспринимает и интерпретирует человек, сотворил Творец. В каждое явление тварного

мира вложен знак мира Горнего, который человеку, падшему человеку, надлежит истолковывать. Божественные символы, сами по себе будучи внекультурными, культурой интерпретируются, и эта интерпретация Божественных символов есть более или менее ясная или замутненная основа культуры. В падшем мире значения символов затемнено, люди не осознают их непосредственно и ясно, отсюда разница в толковании символов индивидами, культурами и традициями.

10. Человек, как существо, созданное по образу Творца, в процессе интерпретации символов Вышнего мира (или низшего мира) символизирует и сам, создавая образы, которые встроены в рамки той или другой системы символов – Вышней или низшей. Святой воспринимает знаки Творца прямо и непосредственно. Падший эмпирический человек нуждается в культурных опосредованиях, с помощью которых творит интенциональные, измышленные миры – результаты своих интерпретаций.

11. Культура – это связующее звено между откровением (мистическим или естественным) Творца и эмпирическим человеком, человеком как он есть. Так человек плетет свою систему символов, которая и есть культура.

12. Культура в литургике, церковной гимнографии и иконописи становятся непосредственным выражением Горнего мира, тем местом, где человек общается с Богом. Культуре дана функция быть мостом между человеком и Богом. Человеку дана потребность и в мистической социальности – церковности, причастности Церкви как Телу Христову.

Мы рассмотрим в нашей статье вопрос о культуре как мире символов и о биологической стороне культуры.

Культура как инструмент адаптации человека к падшему миру

В раю культуры не было, ее не будет и в Царствии Небесном, она вся – на земле. «Культура зародилась в момент грехопадения, когда Адам и Ева съели запретный плод, – «и открылись глаза у них обоих, и узна-

ли они, что наги, и сшили смоковые листья, и сделали себе опоясания» (Быт. 3: 7). Опоясания – это первое проявление земной культуры в истории, искусственная компенсация появившейся внутренней неполноценности человека (стыд – чувство несоответствия самому себе). Адам и Ева прикрыли свои нагие тела, как бы «защищаясь» от райской природы и от Бога, которые с этого момента показались им враждебными. Вся последующая история человечества – это процесс модернизации этого опоясывания, создания прослойки из искусств, наук, техники между человеком и «враждебным» миром. Культура делает нашу жизнь возможной (без культуры человечество бы не выжило), но одновременно с этим является барьером, отделяющим человека от первоначального, райского состояния» (Shhipkov, 2017). Теперь человек вынужден трудиться в «поте лица» для того, чтобы добывать себе пропитание (Быт. 3, 17-18).

Жизнь превратилась в выживание, ведь падение человека было космической катастрофой, которая исказила весь видимый мир, всю вселенную. Греческий богослов Панайотис Неллас пишет, что основной смысл, хотя и не единственный, библейского рассказа об облачении первых людей в «кожаные ризы» – это указание на смертность человека в падшем мире, «превращение жизни в выживание» (Nellas, 2011, с. 73). Свт. Иоанн Златоуст пишет о том, что до падения не было речи «о городах, искусствах, одеждах и множестве других нужд» (Иоанн Златоуст, свт.) Потому, что тогда это было излишним, и стало необходимым по причине нашей немощи, хотя некоторые занятия Адама в раю упоминаются и Златоустом. По интересному замечанию В. Щипкова, «мы можем предположить, что культура и природа в раю составляли единое целое, которому в нашем языке нет названия. То, что было в раю, лишь отчасти напоминало культуру, а в сущности было чем-то совершенно другим. Но Адам обладал речью, «возделывал» Эдемский сад, «нарекал» имена животным. Чем же тогда была деятельность первого человека, если не культурой? В раю было творчество. Человек был создан Богом как сотво-

рец окружающего мира» (Shhipkov, 2017). Как пишет преп. Максим Исповедник, «первозданный человек жил безыскусно, без художеств и изобретений, потому что «не было отнято у него естественное благобытие, присущее логосу его природы», и не было ни в чем недостатка, чтобы восполнять его человеческими средствами» (Nellas, 2011, с. 110-112). Но все человеческие занятия – это проявление свойств, которые были даны первозданному человеку. Так, обучение и труд являются как бы огрублением первозданных способностей мудрости и господства над миром, присущих человеческой природе по образу Божию. Эти способности дали человеку возможность выжить в условиях, образовавшихся с его падением. Так и о творчестве некоторые Отцы Церкви, в частности, свт. Григорий Палама, говорят как об образе в человеке Бога-Творца (Kiprian (Kern), 1996, с. 116).

Культура есть средство адаптации человека к падшему миру. Она помогает человеку приспособиться к некомфортному, отчужденному от него миру. В культурной картине мира человек определяет, локализирует опасность, разлитую в падшем мире. Культуре также присущи защитные механизмы противодействия опасности, которые могут быть как реальными, так и идеальными, в том числе, психологическими.

Все в мире в руках Божиих, но Бог и в этом падшем мире вместе с «кожанами ризами» дал человеку свободу, но свободу не явную, когда всем понятно, где черное, а где белое, и легко совершить выбор, а свободу в мире падшем, где ничто не кажется определенным, в мире неясном, неупорядоченном и опасном. С достижением святости человеком он все более ясно и адекватно воспринимает мир и не боится того, что он, этот мир, ему несет. Он знает, что с ним Бог: «Аз есмь с вами и никтоже на вы». Но только святые могут видеть мир адекватно, однако они более принадлежат миру духовному, чем душевному. Прочие люди в большей или меньшей степени живут в мире иллюзий. Они строят себе, в большей или меньшей мере, иллюзорные схемы добра и зла, которые в соответствии с ними действу-

ют. В коллективной психологии такая схема превращается в культурную картину мира, являющуюся квинтэссенцией культуры. Поэтому картину мира называют «интенциональным», «сконструированным» миром². Интенциональная культурная картина мира еще и в силу иррациональности заложенных в нее комплексов восприятия внешнего мира, свойственных людям в разных культурах.

Обычный человек, который, собственно, и нуждается в культуре как в детских помочах, лишь более или менее ясно или смутно чувствует опасность, исходящую извне: да, падший мир для человека опасен. «Мир во зле лежит», и неминуемо пробуждает ощущение тревоги. Чтобы действовать в нем, человек должен прежде всего определить, пусть даже и ошибочно (часто как раз ошибочно, ибо человек в силу своей греховности видит мир искаженно), конкретные источники внешней опасности. Мир, чтобы к нему приспособиться, надо рационализировать. А рационализация – один из основных защитных механизмов человеческой психики. С ее помощью человек создает себе культурную картину мира, его культурно-сконструированную интенциональную схему. Эта схема мира сама и противоречива, и иррациональна, но в ней присутствуют вполне определенные точки, которые как флажки отмечают опасность, к тому же эта схема содержит и рецепты защиты от опасности: и не так уж важно, насколько рецепты эти правильны и действительны, главное, человек знает, что они есть и верит им. Тем самым он избегает излишней тревожности, которую несет с собой неопределенность мира, что во зле.

Кроме того, мир большой, а человек маленький. Чтобы человек мог сделать шаг вперед, он должен быть уверен в себе. Чтобы приступить к действию, человек должен иметь хотя бы смутное представление, при каких обстоятельствах это действие осуществимо,

² Один из ведущих представителей культурной психологии Ричард Шведер говорит об интенциональном мире, населенном интенциональными личностями, которые взаимно конструируют друг друга (Shweder 1991, p. 404).

кто он такой, что может его совершить, какими качествами он должен для этого обладать (или какие качества себе приписывать), в каких отношениях он должен находиться с другими людьми, нуждается ли он в их помощи, или он способен помочь себе сам, могут ли оказать ему помощь другие, каким образом возможно совместное действие и какими качествами должен обладать коллектив (состоящий из все тех же беспомощных и малосильных индивидов), чтобы решиться на действие?

Святой прозревает Божью волю и в соответствии с ней действует. Хотя и тут связь с Творцом порой идет через культурное посредство, через определенные клише восприятия, которые дает нам культура. Обычный грешный человек искаженно видит соотношение сил в мире, и он, нередко, всего хочет достичь сам. Поэтому он нуждается в такой картине мира, где он может именно достигать всего сам или вместе со своим коллективом с помощью подручных средств: материальных или мистических (магия, колдовство). А значит на перечисленные выше вопросы человек дает ответы именно в этом ключе. Ответы в каждом случае разные, но всегда такие, где человек оказывается обладающим свойствами, дающими ему определенное могущество, и такое положение в мире, где он может что-то менять. Мы не будем сейчас говорить о духовной сути этой культурной схемы, поскольку она может быть очень разной: от богоборческой или основанной на черной мистике до опирающейся на упрощенные и адаптированные к повседневности постулаты веры в истинного Бога, но она – схема, культурный конструкт, и потому она никогда не бывает вполне адекватной. Она может быть дальше или ближе к истинному облику бытия, который доступен только святым.

Но продолжим. Что же такое представляют собой ответы на эти вопросы? Конечно, каждый дает их в своем разумении для себя, не всегда, но по мере надобности. Но есть ответы, которые схожи в рамках взаимодействующего коллектива людей, и это уже не просто ответы наобум, а некоторая культурная схема, функция которой очень значительна для более или менее сносного приспособления челове-

ка к этому падшему миру. Она согласует взаимодействие людей в мире. Ответы человека на эти вопросы – это та призма, сквозь которую человек смотрит на мир, в котором должен действовать, основные парадигмы, определяющие возможность и условия действия человека в мире, вокруг которых выстраивается в его сознании вся структура бытия. Речь здесь не об индивидуальном бытии (хотя нечто подобное у человека происходит и на индивидуальном уровне), а о бытии культурном, где речь идет о взаимодействии людей, трансмиссии картины мира и тому подобном.

В формировании такой культурно-конструированной, интенциональной схемы, культурной сетки, накладываемой восприятием человека на реальность, и состоит защитная функция культуры. Благодаря ей человек получает такой образ окружающего, в котором все элементы мироздания структурированы и соотнесены с самим человеком так, что каждое человеческое действие является компонентом общей структуры. У каждого народа этот образ свой, и у каждого – это искажение реальности. Потому и первейшая задача культуры состоит именно в том, чтобы исказить реальность так, чтобы человек начинал себя более или менее комфортно чувствовать в том мире, который «во зле лежит» и для комфортной жизни не приспособленном. Чем дальше культура от истинной веры – Православия, тем более она искажена, чем ближе – тем менее³. Но поскольку носители культуры в своем подавляющем большинстве не святые – искажение истинного облика мира неизбежно.

Культура содержит в себе многие разнообразные защитные механизмы, обеспечивающие гибкую систему реакций социокультурной

³ Наверное, в отдельный феномен надо выделить культуру церковных людей, которую, например, попытался представить в своей книге «Несвятые святые» тогда архимандрит, а ныне – митрополит Тихон (Шевкунов) (Митрополит Тихон 2018). Но и она имеет свои черты упрощения и некоторой стилизации, неизбежной в падшем мире, где взаимодействия между людьми идет через культурные формы, которые сами по себе представляют собой определенные условности.

системы и каждого носителя культуры на многообразные опасности – реакции иногда адекватной угрозе, а иногда не соответствующие опасности или даже просто символической, но которая снимает-таки психологическую напряженность. Порой в культуре формируются устойчивые алгоритмы реакции на опасность, и люди из раза в раз повторяют при той или иной опасности действия, которые когда-то оказались успешными. Возможно, они помогут преодолеть опасность, возможно, что они устарели и уже не вполне соответствуют опасности. Дело не в этом, главное – снизить в человеке уровень тревожности от мира, который «во зле лежит» и представляет для человека вполне реальную опасность, а порой просто удручает своей неизвестностью.

Но для нас сейчас важны не отдельные защитные механизмы культуры. Она отнюдь не просто набор защитных механизмов. Она сама по себе воплощает защитную функцию. Культурная картина мира – это сложный многоуровневый конструкт, нацеленный на адаптацию человека в мире, в том числе, и прежде всего, психологическую.

Скажем несколько слов об адаптации, которая совсем не обязательно является элементом только эволюционистской парадигмы, но также трактуется и в понятиях приспособления человека к падшему миру, о котором писали Отцы Церкви.

Да, культура – это многообразные орудия и технологии адаптации: дома, одежда, орудия труда, компьютеры, удобрения для полей, автомобили, сельскохозяйственные культуры, созданные трудом многих поколений земледельцев, провода, антенны, самолеты и ракеты, зонтики, плащи, скоростные дороги, а также все писанные или в огромном большинстве неписанные инструкции по созданию и эксплуатации всего этого богатства. Человек с помощью всех подобных приспособлений не только адаптируется к миру, но, по возможности, адаптирует еще и мир к себе. Он мелиорирует поля, осушает болота и порой норовит «повернуть реки вспять»: иногда это бывает и разумным решением. Человек, как образ Божий, имеет дар творца, а потому ему

естественно стремиться падший мир подправить, усовершенствовать.

Орудия адаптации – это и то, что непосредственно потрогать нельзя: государства, органы управления, суды и другие социальные институты, инструкции, эпос, свадебные обряды и т.п. – они тоже служат функции человеческой адаптации, ибо упорядочивают взаимоотношения людей в мире, в котором, кажется, нет порядка. Культура – это и системы взаимодействия людей по совместному использованию орудий адаптации, которые не только материальных, но и идеальных. Человек приспосабливается к миру, и приспосабливает мир к себе, то есть, совершает «адаптивно-адаптационную деятельность», которую некоторые культурологи и признают сутью культуры. Культура тогда – это человеческая самоорганизация, универсальная технология человеческой деятельности, которая имеет прежде всего «исходную адаптивную ориентацию» (Markarjan, 2014, с. 252). В определенном аспекте культурные ценности технологичны, а культура сама может рассматриваться как технология выживания. Э. С. Маркарян говорил о культуре, что она в своей основе представляет собой «совокупность способов и средств человеческой деятельности, как объективированных, так и идеальных, поскольку и идеальные элементы культуры имеют в ней свои технологические функции. Культура – технология жизнедеятельности общества» (Markarjan, 2014, с. 465). Сам механизм формирования культур – культурогенез – состоит «в адаптации человеческих коллективов к совокупности природных и исторических условий своего существования, к результатам собственной социальной самоорганизации и развитию технологий деятельности» (Flier, 1995, с. 128). Человек наполняет мир «орудиями деятельности, адаптации» (Markarjan, 1998, с. 8). Но мы утверждаем, что орудия эти не только материальны и даже не только идеальны, это, прежде всего, психологические орудия.

Все это многообразие орудий, систем и технологий, служащих адаптации человека в мире, все это – ничто само по себе, ничто без соответствующего модуса человеческой

психологии, который бы допускал их использование. Проще говоря, человек должен видеть, как все это многообразие достижений человечества использовать. Без такого видения человек – та самая мартышка, которая «вертит очками так и сяк, очки не действуют никак». Очки должны в сознании человека приобрести какое-то значение, и не просто значение, а связанное с глазами, должно появиться представление, как их пристроить на носу. Я уже не говорю, что желательно иметь представление о диоптриях и миопии. Это ясно. Но важно и то, что это представление должно не противоречить множеству других самых разных представлений человека, который, например, может верить, что «ячмень» на глазу проходит от того, что в глаз неожиданно плюнут. Но также и тому, что «око – зеркало души». А это уже особый модус сознания, присущий ему – картина мира, которая определяет значение, место в мироздании и порядок использования всех этих орудий и технологий. Без культурной картины мира, той или иной – их много, человек ощущает себя в хаосе.

Искажение реальности человеком, стремящимся сделать ее комфортной для себя – самая заурядная вещь. Можно сказать, что искажение, «подправление» реальности с помощью психологии – это интерпретация реальности, создание идеального культурного артефакта, а искажение реальности с помощью коллективной психологии – это этническая культура, которая всегда «сконструирована», интенциональна.

Итак, адаптация, как мы видели, **пересекается с защитной функцией культуры**. Здесь надо сказать о том, что адаптация – вещь универсальная. Мир наш после грехопадения предполагает жизнь в нем только посредством адаптации. Очевидно, что нет другого пути у обычного человека, человека-грешника, но и святой подвижник адаптируется к миру, будучи вынужденным пользоваться лежанкой и кастрюлькой с ложкой в своей каливе, а также штампами и обусловленными культурой образами, присущими речи, когда он говорит с единомудренными братьями. Есть подвижники, цель которых свести использова-

ние материальных и идеальных орудий адаптации до минимума, но другие плавают пародами и летают самолетами.

Очевидно, что поскольку человек телесен, падший мир с его жарой и морозами, ветрами, ливнями, землетрясениями и наводнениями адаптации требует неминуемо. Но столь же неизбежна идеальная адаптация и адаптация психологическая, ибо мыслит человек образами и определенными мыслительными схемами, которые задаются культурой и без которых мышление о самых простых бытовых вещах (Маша ела кашу!) превращалась бы в самый сложный когнитивный процесс, требующий неординарных усилий и не всем людям даже и доступный. Но если у падшего человека мыслительные комплексы призваны исказить мир, чтобы сделать его более комфортным и пригодным для деятельности, то святой, в этом искажении не нуждаясь, тем не менее, как правило, использует заданные культурой образы и схемы для коммуникации, да порой и для упорядочивания собственных мыслей, поскольку по смирению своему существует в рамках какой-то конкретной культуры, выражает себя на языке той или иной интенциональной схемы. Без этого и мышление святого было бы слишком «трудозатратным». Он, однако, со своей стороны делая эти мыслительные образы и схемы более адекватной истинной реальности, поскольку ему доступно и видение истинной реальности вне образов и схем – в безобразной молитве. Даже гимнографическая или аскетическая духовная литература имеют свои культурные штампы, которые ничуть не снижают их высоты, но делают более доступными, поскольку встраивают их в определенный культурный ряд.

Человеческая способность к символизации

Читатель мог заметить, что мы тут много говорим о психологическом. Это не случайно. История культурной антропологии знает много споров о соотношении культуры и психологии. Так, говорили, что человеческая психология формируется под воздействием культуры.

Мы эту мысль переформулируем: саму культуру будем рассматривать как функцию души. Подробно на этой теме мы останавливаться не будем, но скажем достаточно, чтобы в ходе наших дальнейших рассуждений была понятна специфика психологического (душевного) и духовного в их культурных преломлениях.

Итак, культура может быть понята как функция души, психеи, психики⁴. Духовное – вне культуры, но оно, не будучи культурным,

⁴ Для нас важно трехчастное деление человека на тело, душу и дух, которое встречается у некоторых Отцов Церкви. Трихотомия в христианском богословии восходит к Ап. Павлу. Правда, она характерна и для неоплатоников, но была адаптирована Отцами Церкви. В их трудах встречаются различия в описании состава человека: он может быть как трехчастным (тело-душа-дух), так и двухчастным (тело-душа). Но спора дихо- и трихотомистов история патристики не знает. Когда в святоотеческой антропологии речь шла о двухчастном составе человека – душе и теле, – то душа сама мыслилась как сложная, причем «чистой частью» души – это дух или ум (*νοῦς*). Дух часто приближается к понятию «ум», противопоставляясь душе (*ψυχή*) как психе, психике с ее раздражительной и желательной частями, о которых говорили Отцы Церкви. Напрашивается и отождествление духа, ума с личностью, которая отнюдь не совпадает с душой, что очевидно из всего корпуса аскетической литературы. В человеке есть некое глубинное начало, в котором и содержится человеческая идентичность, и которое наблюдает за всеми проявлениями души: мыслями и чувствами. В патристике для этого начала нет особого термина, ближе всего к нему именно дух или ум. Он владеет душой и всеми ее силами и проявлениями, смотрит на них как будто сверху и наводит в них порядок. Термин «ум» у Отцов Церкви мог означать и образ Божий в человеке, и «частицу Бога», в человека вложенную, и то самое «Я», которое является субъектом спасения или гибели, то есть субъектом свободной воли. Поэтому я в своей работе под духом в человеке имею в виду именно такой ум, а под душой – психею, психику. Уже отсюда понятно, что мы непосредственно связываем душу с психологией, а дух – психологии противопоставляем. После смерти человека в рай или ад попадает именно это его личное начало, идентичность человека, т.е. дух (ум) – в культурологическом контексте мы употребляем эти слова как синонимы. И вот при таком понимании состава человека получаем, что: тело – материально, дух – духовен, а душа (психея, психика)... душа – культурна. Дух – это то, что в нас бессмертно, что обладает безусловной и конечной свободой, то, что соединяет нас с Богом, и что выбирает между Богом и дьяволом. Но дух укоренен в душе и в теле. Неспроста Достоевский говорит о том, что Бог с дьяволом борется, и место битвы – сердце человека.

в падшем мире существует в оболочке культуры. Культура – оформляет человеческое «Я» посредством психологии. Психологическое – это форма существования человека в земной жизни. Что же остается за пределами культуры? Во-первых, материальный мир, как он существует объективно, независимо от нашего восприятия, во-вторых, наша глубинная сущность, которая говорит с Богом и людьми (дух, ум, о котором мы уже говорили), но говорит при помощи языка культуры, и, в-третьих, сам духовный мир: Бог, Силы Небесные и духи злобы поднебесной. Но так только до тех пор, пока мы их не осознаем. Едва мы их осознаем – мы сопрягаем их с культурой. Таким образом, культурным является все, что исходит от человека, порождается человеческой мыслью и распространяется посредством человеческого действия и взаимодействия, т.е. все, что является результатом человеческой интерпретации. А культурное – всегда интенционально.

Интенциональность – всегда результат (и процесс) интерпретации. Способность к интерпретации – специфическая способность человека, которая приводит к символизации человеком материальной и духовной реальности, превращая культуру в систему символов. Каждый объект, включаясь в культуру, становится артефактом, имеющим материальную и идеальную составляющую. Американский антрополог Д'Андрад объяснял этот процесс так: вычленившись из мира существующей помимо сознания человека материальной и социальной реальности – «потока материала», невоспринимаемого человеком объективного мира, – объект реальности становится в уме человека «значимой системой» (D'Andrade, 1994, p. 47-58). Любой объект, постольку поскольку он поддается интерпретации, и понимается как символическая сущность. Так, само восприятие человеком мира в своей основе символично. Символы касаются как предметов обыденной жизни, сферы материального и душевного, так и явлений духовного мира, который через символизацию сопрягается с культурой, в результате чего выстраивается сакральное пространство культуры.

Мир, в котором мы живем, наполнен символами, которые суть «кирпичики культуры». Символами-артефактами становятся как объекты материального мира, так и духовного. Символическая сфера сама становится орудием интерпретирования и дальнейшей символизации, создания новых значимых систем. Так весь мир в сознании человека превращается в систему значений, плотное переплетение значений, которое составляет культурный мир человека. И да, результат интерпретации человеком мира далеко не всегда (после грехопадения!) совпадает с заложенным Творцом смыслом, но соотносится со смыслом мира, приданном тому при Творении. Итак, культура – это то, что превращает объект в артефакт.

Если говорить о психологическом, то культура выполняет опосредующую роль в его отношениях с социальным, включая и опосредование между вегетативным чувствованием и внешним миром. Культура, таким образом, – это орудие опосредования. Но культура опосредует и отношение сознания (идентичности), ума (как идеальной субстанции, сопряженной с духовным началом в человеке) с материальным миром. Другими словами, мы говорим об опосредовании между нематериальной душой и материальным миром, которое осуществляет культура. Артефакты всегда представляют собой пограничье материального и идеального или идеального и духовного, т.е. ту сферу, в которой творит человеческая душа, психея.

Как творятся артефакты, символы, значения? Антропологи, в частности Джеффри Уайт, полагая, что система значений находится в голове человека, утверждают, что человек через дискурс проецирует ее вовне и тем создает социальные и культурные миры – миры символические (White, 1992, p. 72-91). Практически во всех антропологических концепциях внешний мир оказывается производной внутреннего мира человека, а на его внутренний мир влияет внешняя культура, та, которая так же произведена из внутреннего мира людей предыдущих поколений. Ибо, как полагали и полагают антропологи, символы внешнего мира – это производные значимых систем внутреннего мира. Еще раз напомним показательное учение Роя

Д'Андрара о том, что существует некий «поток материала», весь внешний мир в той мере, в какой он не осознается человеком, существует помимо сознания и внимания человека, т.е. вне культуры (D'Andrade 1994, p. 47-58). Осознавая те или иные элементы «потока материала», человек придает им значения, тем сами их самих превращая в символы, воздействующие на психологию человека. Если какие-то элементы культуры отбрасываются, то значения их отпадают, и они возвращаются в «поток материала», который существует вне культуры, и такие элементы как бы «уходят во тьму внешнюю». Так складывается система «человек – значение – поток материала», которая пребывает в постоянной динамике и не предполагает ничего, что придавало бы смысл вещам независимо от человека. В такой антропологии получается, что как только человек (имеется ввиду собирательный человек, человек как носитель культуры) отворачивается от вещи, явления, они теряют свой смысл, значение. Тут человек и только человек источник смыслов культуры, и не понятно, откуда в человеке такая способность.

Учение об интенциональности, как оно выражено у Ричарда Шредера, – это доведенная до логического предела мысль о человеке как о творце и о мире как результате взаимодействия объективности и человеческой субъективности без Творца. Он говорит об интенциональном мире, населенном интенциональными личностями, которые взаимно конструируют друг друга. (Shweder 1991, p. 25) Трансформация мира – трансформация одной интенциональности в другую, но в результате мы получаем какую-то дурную, странную бесконечность: интенциональности беспрестанно интерпретируют друг друга. Но в чем цель этой бесконечной интерпретации? Противоречие психического и культурного в учении об интенциональности как будто снимается тем, что сам внешний мир оказывается проявлением психического. Но ущербность бесконечной цепочки формирования внутренних значений человеческой психологии и символов внешней культуры друг другом представляется очевидной. Процесс этот не объясним, т.к.

не вполне понятно, откуда же берутся значения и символы. Если мы, говорим о культуре без Творца, мы получаем культуру как абсолютно субъективную систему: в культуре тогда нет ничего объективного, все порождается разумом и психикой человека.

Но точно ли это так? Объяснить феномен культуры возможно, если принять, что через культуру, которая есть язык, понятный человеку в этом временном мире, выражает себя Творец – Личность, которая стоит над всеми другими индивидуумами в культуре. Другое дело, если понимать, что в падшем мире значения символов искажены, затемнены, люди не осознают их непосредственно и ясно – отсюда разница в толковании символов теми или иными индивидами, культурами и традициями. Но их основа – объективна, и она идет от тех смыслов, которые закладывает в творение Творец. Именно поэтому, как мы говорили уже, святые видят мир адекватно, т.е. в соответствии с замыслом Творца.

В антропологии символы – это знаки человеческой субъективности, смыслы, которые придает вещам человек. Человек действительно продуцирует смыслы нашего мира, он наделен способностью к символизации. Но эти человеческие смыслы вторичны. Символы не всегда и не только являются продуктами человеческой символизации – они в основе своей являются символами Божественного. Человек и мир предметов и явлений – это не изолированная система, в ней постоянно присутствует Бог, который и придает ей первичный смысл, а человек, как образ Его уже постигает и интерпретирует – более или менее (чаще менее) адекватно. И символы, и способность символы постигать даются Богом. Способность к постижению символов, формированию значимых систем – врожденная и коренная способность человека, который рождается как существо культурное.

Майкл Коул пишет, что для человека, живущего в культурной среде, опосредование действий культурой становится его второй природой. Коул поясняет: «Дети не рождаются способными к опосредованию своей деятельности артефактами, но они прихо-

дят в мир, где взрослые, заботящиеся о них, имеют такую способность. Фактически, сами дети, входя в мир, становятся в некотором важном смысле культурными объектами» (Cool, 1997, сс. 208-209). Но на наш взгляд правильно было бы сказать, что дети именно что уже рождаются со способностью к опосредованию деятельности артефактами, способностью восприятия и интерпретации артефактов, также и творения самих артефактов. Дар этот дан нам так же, как нам дана способность к усвоению речи. Человек, поскольку он сохраняет в себе образ Божий, имеет дар на своем уровне творить, и творит интенциональный артефактный мир вокруг себя, более или менее (часто как раз менее) соответствующий замыслу Творца.

Если мы говорим об интенциональности, не замыкая ее на человеке, но понимая, что в основе интенциональности лежит интерпретация, более или менее адекватная, уже имеющихся смыслов, заложенных в творение Творцом, то это понятие перестает быть субъективистским и становится вполне объективным и, более того, эвристическим, поскольку объясняет многообразие картин мира в человеческих культурах. Человеческий мир – интенционален, но одновременно весь видимый мир полон знаками – символами Божественного Бытия, которые выражаются через культурную интенциональность. Именно Божественные символы, сами по себе не будучи культурой, культурой интерпретируются.

В каждое явление тварного мира вложен знак мира Горнего, который человеку надлежит истолковывать. В самых заурадных явлениях нашего мира есть знак Вышнего. Это очевидно также из притчи, которую приводит преподобный Паисий Святогорец.

«Научи меня молиться, ибо я неграмотна», – просит старца простая деревенская женщина. Старец спрашивает: «А как ты молилась до сих пор?» «Когда я мету комнату, я прошу Господа, чтобы так же как я выметаю мусор, вымести грехи из моей души. Когда стираю, прошу, чтобы, так же как я очищаю от грязи это белье, Господь вычистил мою душу». «Продолжай молиться, как молилась», – отве-

тил старец. Так простая женщина постигала в самых простых своих действиях символы Горнего мира.

Нечистый также старается символизировать свои черные смыслы. К примеру, он представляет похоть как любовь. В современном мире создана тонкая и разветвленная символизация блуда. Гиперкультура блуда – активная в положительной коннотации интерпретация символов низшего мира. Но Дьявол – отец лжи – не творит символы, он как обезьяна Бога просто выворачивает их на изнанку, встраивая их в порочные ряды якобы положительных коннотаций, совершая смысловые подмены. На основе этих подмен человек символизирует похоть как положительную ценность. Человеку дана и такая свобода.

Итак, на основе системы символов нематериального мира (символов Божиих или символов дьявольских) человек создает свои символы – артефакты всех видов, от бытовых до художественных. На этой основе, совершая выбор между Символами Горними и символами бесовскими, человек сплетает свою систему символов, которая и представляет собой культуру.

Разные традиции интерпретации и адаптации порождают разные картины мира, присущие тем или иным этносам, происхождение которых само уже есть результат разделения человечества, вызванного грехом: вспомним, люди заговорили на разных языках в результате наказания за Вавилонское столпотворение. Но, конечно, в результате постоянного сотворчества, внесения в мир символов Горнего мира, этнические культуры приобретают порой возвышенный характер и выражают какие-то высшие человеческие истины, повторим, в большей или меньшей степени: в соответствии с близостью того или иного народа к Богу. Но во Иисусе же Христе нет ни эллина, ни иудея.

Человеческие символы, возникшие из значений человеческого ума посредством дискурса (тут мы согласны с тем, как описывает трансформации культуры через процесс человеческого дискурса Джеффри Уайт), являются вторым пластом человеческой культуры,

вторичным по отношению к Символам Божественного.

Иная деятельность, доступная человеку, избранным из людей, – это то, что отцы-исихасты называют субботствованием, т.е. творением безмолвной молитвы, прямым Богообщением, где уже нет места культурным символам.

Биологическое измерение культуры

Посмотрим на культуру и с другой стороны. Да, человек живет в мире символов, и способность к символикации является отличием человека от животных – не самым важным, поскольку самым важным является пребывание Бога в душе человека, или точнее, в человеческом духе, «уме». Познавая символы, человек познает Горний мир, если речь идет о литургической культуре, и тварный мир в смысле значений, заложенных в него Творцом. Человек интерпретирует эти символы, и в этом его преимущество над животным миром. Как правило, человек интерпретирует символы творения посредством своей душевной организации, а значит через культуру. Душа же человека тесно связана с человеческой телесностью, а потому имеет общие черты с животной душой. А потому культура имеет ярко выраженный срез, который представляется скорее естественнонаучным, чем гуманитарным.

В этом отношении не вполне лишено смысла сопоставление функции культуры в человеческом обществе с функцией инстинкта в мире животных. Идея (она высказана Э. С. Маркаряном) тут состоит в том, что для поддержания жизнедеятельности человеческого общества нужна система интегративных средств, особых средств интеграции человеческого коллектива, способных столь же эффективно выполнять свои функции, как то бывает, например, в сообществе насекомых благодаря механизму инстинкта. Именно эти средства дает культура, в частности, та ее система, которая включает ценности и идеалы (Markaryan, 2014, с. 63). И тут есть и здоровое звено, как и в тезисе о некотором функциональном значении морали для человеческого общества.

Остановимся тут, прежде, всего на весьма авторитетной концепции английского антрополога первой половины XX века Бронислава Малиновского и основанного им направления в социальной антропологии, получившего название «функционализм». По мнению Малиновского, элементы культуры должны анализироваться с точки зрения удовлетворения ими основных потребностей человека, как имеющих прежде всего функциональное значение. Культура, по Малиновскому, в своей сущности является инструментальным механизмом, с помощью которого человек может лучше справляться с теми специфическими проблемами, которые ставит перед ним окружающая его среда в ходе удовлетворения им своих потребностей (Malinowski 1944, p. 150). Так и у Э. С. Маркаряна: «Источник самодвижения и активности социальной системы – потребности» (Markaryan, 2014, с. 255). Но с его точки зрения, надо говорить не только об удовлетворении в культуре потребностей индивидов, но и об удовлетворении потребности поддержания социальной системы как целого. И это – основная функция культуры.

Акцент на интегративной функции культуры делал другой английский теоретик функционализма Альфред Редклифф-Браун. Согласно ему, как живой организм существует постольку поскольку элементы, его образующие, выполняют определенные функции, так и человеческое общество строится на структуре взаимосвязанных и дополняющих друг друга культурных элементов. Все нормы, ценности, чувства, ритуалы, считал Редклифф-Браун, стоят над человеком и цель их в том, чтобы скреплять общество. Иными словами, ценности, чувства, идеи – функциональны (Redcliff-Braun, 2001).

На самом деле ничего нового мы тут не встречаем: человек на основе своих душевных психологических конструктов, к которым часто относятся и его ценности и идеи, строит свой интенциональный мир, в котором живет. Как пишет Маркарян, «без наличия подобной системы человек как социальное существо не был бы способен выполнять свою функцию в обществе, преодолевать невзгоды и ис-

пытания в борьбе за существование. Веру в смысл и ценность жизни ему придает [как правило! С.Л.] как раз культура. Потребность в этом столь же реальна и важна, как в пище и убежище. Именно культура создает в человеке иллюзию его значения, всемогущества и всеведения» (Markaryan, 2014, с. 64). Конечно, обидно, что такую нашу человеческую способность Маркарян сравнивает с инстинктом, объединяющим сообщество насекомых, но если подойти к делу со смирением, то заслуживает ли вера человека в свое всемогущество иного сравнения? Как смиренно писал Свт. Григорий Палама, «на самом деле, много ли мы отличаемся от муравьев? Разве не из тех ли веществ составлено это наше смешение, т.е. наше тело, что и ихнее? Разве не тем же веществом питаемся мы, что и они? Разве не в тех же местах живем мы, что и они? Разве не почти одинаковыми способностями мы обладаем, что и они? Да и разве нет ли чего такого, в чем бы муравьи не превосходили нас? Ведь в самом деле они более, чем мы, сообразительны в отношении своих потребностей; более предусмотрительны в своих жизненных нуждах, и более деятельны в накоплении годичных запасов пищи. Но с другой стороны и мы превосходим их разумной способностью нашей души. Но что значит это превосходство наше над муравьями по сравнению с превосходством Божиим над нами?» – писал св. Григорий Палама (Kiprian (Kern), 1996).

В данном контексте ценности технологичны, а культура рассматривается как технология. В качестве специфически человеческой замены животного инстинкта Маркарян предлагает рассмотреть феномен традиции. Генетически передаваемый инстинкт тут заменяют культурные стереотипы, которые усваиваются через научение. Более того, Маркарян говорит о сходстве клеточных организаций и стереотипов человеческой деятельности, закрепляемых в традиции. «Как клетка, так и стереотип человеческой деятельности являются элементарными воспроизводящими единицами. В то же время они создают внутренние источники изменения биологических и социальных систем» (Markaryan, 2014, с. 485).

Поэтому неслучайно, что Маркарян пишет: «Значение категории “общества” для социальных наук примерно таково, как значение понятия «организм» для наук биологических» (Markaryan, 2014, с. 220). И в другом месте: «Макросоциальная система представляет собой своеобразный коллективный социальный организм, то есть, устойчивое объединение индивидов со сложной системой спецификации и координации функций, напоминающих деятельность индивидуального организма и дающего основание для такой аналогии... Общественная жизнь людей представляет собой коллективный организм не биологического, а социального порядка, формирование и развитие которого обеспечивается внебиологически выработанными механизмами и средствами, в частности, хранения и передачи информации» (Markaryan, 2014, с. 23-25). Поэтому Маркарян проводит параллели между человеческой и биологической адаптацией: «Адаптация людей, как и адаптация биологических систем происходит благодаря модификациям существующих программ, или путем их перестройки и замещения новыми. Подобные перестройки в процессах человеческой деятельности происходят благодаря механизму творческих инноваций. Питательной средой последних является флуктуация стереотипов традиции, выражающаяся и постоянно имеющим место девиантном поведении людей. Это девиантное поведение и рекомбинация инноваций выполняет функцию мутации и рекомбинации генов... Человеческие инновации порой в литературе называют «культурными мутациями»» (Markaryan, 2014, с. 185).

Такой биологизм может шокировать, но трактовка эта имеет свою правду. Свою правду, поскольку культура отражает всю душевную деятельность человека, в том числе и витальную функцию души, а потому – культура непосредственно связана с удовлетворением человеком своих жизненных потребностей, телесных нужд человека, которые мы понимаем в самом широком смысле.

Возьмем, к примеру, потребность человека в социальном окружении. В большинстве случаев человеческая социальность может

быть с удобством описана в терминах, приближенных к естественнонаучным, т.е. в категориях социального организма, как потребность реализовать себя как в основе своей высоко развитое общественное животное. У Маркаряна эта потребность обозначается как социорегулятивная. Но этот социальный организм имеет у человека особые черты, отличные от животного мира, ибо связан с идеотворчеством и свободой выбора, данной ему уже как носителю образа Божьего. Более того, в потенции (и некоторые ее реализуют!) человеку дана потребность и в мистической социальности – церковности, причастности Церкви как Телу Христову. Эта мистическая социальность в некоторых случаях накладывает свой отпечаток на некоторые формы социальности, присущие людям естественным образом.

Было бы правильнее отметить, что регулятивная функция культуры имеет два измерения: одно относится к сфере естественных наук, а второе к сфере идеальной. И это не просто две стороны одной медали, это то, что взаимно дополняет друг друга. Таким образом, судьба человека вершится в мире идей, включающем принимаемые индивидом частные решения: что хорошо и что плохо. Именно идеи определяют направленность движения и характер взаимодействия в обществе, но... все эти движения и взаимодействия описываются с помощью вполне определенных социокультурных закономерностей, которые не так далеко отстоят от естественнонаучных закономерностей. В принципе, эти закономерности являются специфически человеческими, ибо основываются на усвоении, передаче и интерпретации, благоприобретенной человеком информации, а не на его генетике. И если смотреть на человеческое общество только с точки зрения реализации этих закономерностей, то они могут быть представлены неким эквивалентом инстинкту у животных. Но они не таковы в той мере, в какой выражают человеческое интерпретирование символов Горнего мира (или мира падших духов). Раз возможно говорить о человеческом организме, который суть биологическая сущность, но одушевленная душой (сводя душу к ее ви-

тальной функции), то возможно говорить и об общественном организме, в котором культура тоже выполняет еще и витальную функцию.

Когда мы говорим об обществе как об организме, то даже плод высших устремлений человека – идеалы и ценности, – мы проецируем на шкалу удовлетворения потребностей и можем трактовать инструментально, как составные части общей технологии человеческой деятельности. Итак, мы постулируем измерение культуры как целостности (не ее среза или пласта), в котором она вся (со своими стереотипами действия, технологиями, идеями, концептами, ценностями и символами, включая человеческий навык символизации и интерпретации символов) может рассматриваться как механизм функционирования человеческого коллектива. И люди, как правило, именно в этом измерении культуры и живут. Человек выходит из него только тогда, когда хотя бы в малой степени живет жизнью духа (через молитву обращаясь к Богу или через магию контактируя с падшими духами). Но и при этом человек, как правило – вот парадокс, – вовсе не выходит из собственной культуры, ибо духовное встраивается в душевное, обряжаясь в одежды культуры. Поэтому культура по своей сути неразрывно душевно-телесна, включая и свою идеальную часть, которая во многом тоже произведена с помощью психических начал. Эти начала могут быть в каждом конкретном случае более или менее доброкачественные.

Сама по себе естественнонаучная подоплека душевно-телесных начал культуры не делает ее неполноценной, ибо и тело само не есть злое начало, и оно, при умелом употреблении, способно помочь человеку достигнуть Богообщения. Но само тело страдательно, пассивно. И чтобы естественнонаучное начало культуры не угасало, она нуждается в соприкосновении с миром духовным. Жизнеспособность телесно-духовной системы в среде обитания человека, поддерживается участием его духа (*νοῦς*), который дает о себе знать всякий раз, когда человек совершает сущностный выбор. Но вот парадокс! Строгие социокультурные закономерности влияния ду-

ховного начала на среду обитания человека, как правило, нетрудно описать. В последующих главах мы покажем некоторые принципы существования человеческого социума как организма. Но еще раз скажем: как человек существо трехчастное – телесно-душевно-духовное или телесно-культурно-духовное, – так и среда, в которой он живет, не обходится без духовного влияния, и оно встраивается в душевные и материальные явления.

Итак, общество, социум – это своеобразный социальный организм, в котором культура несет в себе витальный принцип. Утрируя, можно сказать, как душа есть витальный принцип человеческого организма, так культура (как собирательная душевность, функция коллективной психологии) есть имеет витальный принцип общественного организма. Функция культуры состоит, таким образом, в том, чтобы оживотворять, и в том, чтобы формировать деятельность социокультурной системы: алгоритмы, стереотипы и принципы присущих ей взаимодействий, – т.е. обеспечивать «технологии» деятельности общества как самоорганизующейся системы.

Идеальное измерение культуры

Идеальной функции культуры не противостоит ее естественнонаучной функции, но с ней сопрягается. Мы будем говорить о ценностях и идеалах, но должны помнить, что **только святые видят мир адекватно**. Однако святые более принадлежат миру духовному, чем душевному. Прочие люди в большей или меньшей степени живут в мире душевном, а значит, **в мире иллюзий**. Они строят себе, в большей или меньшей мере, **иллюзорные схемы добра и зла**, и в соответствии с ними действуют. Это – следствие человеческого греха, который исказил мир, а значит, исказил и его восприятие. У каждого человека свое видение мира, т. е. схема мира, в той или иной степени отступающая от реальности. Есть такие схемы и на коллективном уровне, где они определяют взаимодействие многих людей. В **коллективной психологии** такая искаженная схема мира превращается в **культурную картину**

мира, являющуюся квинтэссенцией культуры. Эту картину мира называют сконструированным, **интенциональным миром**, тем самым где живут и взаимодействуют **интенциональные личности** (Shweder 1991).

Культурная картина мира всегда есть искажение в силу интенциональности, т.е. неадекватности, заложенных в нее комплексов восприятия внешнего мира, свойственных людям в этом падшем мире: людям в разных культурах, в каждой – своих. А потому интенциональны и те преломления идеалов и ценностей, которые присущи той или иной культуре. В этом, возвращаясь к вышесказанному, и состоит адаптационный механизм культуры, ибо человек адаптирует с помощью культурных механизмов идеальную сферу (не только материальную!) в соответствии со своим восприятием мира. Да, характер культуры как **двуединого феномена**, где идеальное и естественнонаучного (а законы человеческого восприятия лежат в сфере естественных наук) переплетено, выражается и в самом подходе к идеальному преломлению культуры. **Идеалы культуры не вполне лежат в сфере идеального.**

Ведь сами по себе идеалы и ценности, если мы берем их вне свойственных психологии человека проявлений механизмов адаптации, – это сфера чистых сущностей. Она отражает определенную реальность духовного мира, но в сфере сознания падшего человека они выглядят чаще как абстракции, неприменимые к реальной жизни. Жизненное наполнение они приобретают через обретение культурного значения, что, в свою очередь, происходит посредством механизма культурной интерпретации, и преломляются в моделях действия человека, имеющих равно и осмысленность, и приспособленность к окружающему миру, и отражающих индивидуальные психологические особенности того, в чьем сознании культура преломляется на индивидуальном или на коллективном уровне.

Скажем тут и то, что истинные смыслы вещей – это заложенные в них при творении логосы. Их могут понимать только немногие из людей, те, кто обладают духовным зрением,

те, кто видят мир как сверхестественный, преобразенный: православные святые. В рамках культуры логосы вещей воспринимаются в искаженном виде, поскольку в падшем мире они попорчены. Восстановление логосов вещей – задача человека как существа духовного, как существо же культурное он оперирует смыслами – преломлениями логосов в культуре, или, как мы их назовем, концептами вещей, явлений и понятий.

Так идеалы и ценности культуры присутствуют в культуре в виде **концептосферы**⁵, структуру ее стержневых смыслов, так или иначе истолкованных, встроенных в интенциональную картину мира. Соответственно, концептосфера может быть более или менее адекватна заложенным Творцом в творение смыслом: она результат творчества падшего человека, который может стремиться в Добру и Истине, но последние, принадлежат к духовному миру, не достижима вполне в рамках культуры, в которой всегда присутствует адаптация к миру, а значит – искажение. В сфере идеального эти искажения могут быть очень велики, выворачивать идеалы наизнанку, а могут приближаться к Истине, лишь адаптируя идеалы-концепты в удобные для восприятия формы: палитра интенциональности может быть очень широка. Если коротка: концепты культуры соответствуют логосам вещей, данным при творении, больше или меньше – в зависимости от того, насколько истинна лежащая в ее основе религиозная подоплека.

Концепты – **результат интерпретации человеком действительности**, мира – материального, мысленного, духовного, в котором он живет. Как правило происходит это в процессе дискурса – практики общения членов общества, носителей культуры⁶.

⁵ Понятие «концептосфера» как правило используется в когнитивной лингвистике, являясь одним из важных ее понятий. К нашему не лингвистическому, а культурологическому пониманию термина «концептосфера» ближе позиция И. А. Добряевой, связанная с пониманием концептосферы, как сферы интерпретируемых в культуре смыслов и значений (Добряева 2018).

⁶ Американский этнопсихолог Джеффри Уайт писал о том, что через процесс дискурса создаются социальные, культурные, символические миры (White 1992, p. 23).

Концепты являются не только продуктами адаптации идеального и духовного применительно к душевному и биологическому уровням, но и, в свою очередь, **инструментами**, с помощью которых люди-носители той или иной культуры **интерпретируют действительность**: материальную, мысленную и духовную. И тут особо важно, что концепты не изолированы, а представляют собой **систему**. Концептосфера – это не просто набор концептов – орудий толкования и порождения культурных смыслов в каждом конкретном случае, – а **плотная сетка взаимопересекающихся и взаимозависимых смыслов, сквозь которую человек видит реальность**.

Концептосфера, кроме того, что она инструмент интерпретации, еще и хранилище интерпретаций, накопленных в истории, то есть, своеобразное **хранилище человеческого опыта и памяти**, в том числе и **памяти Адама**, памяти **о непосредственном Богообщении**, и **опыта встреч с Богом** (явных и опосредованных) в нашей человеческой жизни и истории. Точно так же, как артефакты наполняются смыслом, превращаются разумом человека в «значимые системы» все, что входит в сферу его осмысленного восприятия из материального и идеального мира, точно так же в артефакты превращаются реальности **мира духовного**. Ибо и он может быть для человека невоспринимаемым его сознанием «потокм материала». Он так же должен быть **включен в культурный опыт человека**. Наполнение смыслом в сознании человека внешнего мира – природного, психологического, духовного – это **присвоение его человеком**, включение его в **человеческий опыт**.

Структура культуры, мы видим, взаимодополнительна. С одной стороны, это технология, в соответствии с которой функционирует социум-организм, замещающая информационными блоками – идеями и стереотипами – биологические механизмы жизнедеятельности животных. С другой, культура – это область символов, идей, концептов, которые человек интерпретирует и включает в культу-

ру. Культурные же символы суть символы не только человеческие, но и тех логосов, смыслов, которые заложены в объекты бытия Творцом. Культурные идеалы всегда связаны с духовным миром, порой с миром низшим, как культура романтизированного блуда, а порой с миром Горним, как то есть, прежде всего, в литургической культуре, но и во всей культуре, если она направлена на поиск Вышних смыслов существования человека.

Как двуединица культура, так же двуедин человек. Мысли человека запечатлеваются в его мозге – это, конечно, физиологический процесс. Но, с другой стороны, человеческое сознание – это не только и не столько физиология. Оно и не культура только. То человеческое «Я», которое выражает идентичность человека и является субъектом его воли, а значит стоит и над мышлением, и над чувствованием, существует в своих проявлениях, внутренних и внешних, в сфере культуры, хотя само культурой не является. Культура – оформление сознания, человеческого «Я», и оформление это – душевно, психологично. Психическое же, душевное – это форма существования человека в земной жизни, и оно, в свою очередь, существует в культуре, как в среде.

Итак, есть человеческое «Я», которое к психологии не сводится, а есть проявление духовного в человеке, оно носит на себе печать образа Божьего, Божьего дуновения. Есть тело. И есть сфера психического, которая необходима для существования в земном мире, ибо осуществляет – позволим себе так сказать – посредническую функцию между человеческим «Я», как духовной субстанцией, и материальным миром.

Но как человек наделен Богом способностью (и призывается) к обожению, к тому чтобы стать богом по Благодати, так может становиться богоподобной и его душа. И тогда культура в литургике, церковной гимнографии и иконописи становится непосредственным выражением Горнего мира, тем местом, где человек общается с Богом. Культуре придана функция быть мостом между человеком и Богом!

References

- Cool M. Kul'turno-istoricheskaya psixologiya. [Cultural Historical Psychology] M.: Kogito-centr, 1997. 590 p.
- D'Andrade, R. Cognitive Anthropology, In Schwartz Th., White G., Lutz C. (eds.) New direction in Psychological Anthropology. Cambridge: Cambridge University Press: 1994. Pp. 47-58.
- Dobryaeva I. S. Aksiologicheskij (kul'turoformiruyushhij) potencial xudozhestvennogo koncepta v territorial'nom (avstralijskom) variante anglijskogo yazy'ka (na primere issledovaniya individual'no-avtorskogo koncepta G. Lousona «Mate/Mateship») [Dobryaeva I. S. Axiological (culture formative) potential of the artistic concept in the territorial variant of the English Language (on the example of the study of the individual author's concept of H. Lawson «Mate/Mateship»)] // Sibirskij filologicheskij forum Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva, 2018 – № 3 (3). – Pp. 4-20.
- Flier A.Ya. Kul'turogenez. [The genesis of culture] M., 1995. 128 p.
- Il'enkov E'.V. Ideal'noe. Filosofskaya e'nciklopediya, t.2. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1968. Pp. 219-227.
- Ioann Zlatoust, Svt. O devstve. Gl. 15. [About virginity] http://vsetsaritsa.ru/holyword/Svyatitel_Ioann_Zlatoust_Kniga_o_devstve_Chast3.php
- Kiprian (Kern), archimandrite. Antropologiya Grigoriya Palamy. [Anthropology of Gregory Palamas] M.: Polomnik, 1996. LXXVIII, 449 p.
- Malinowski B. A Scientific Theory of Culture. – Chapell Hill, 1944. 228 p.
- Markaryan E. Capacity for World Strategic Management. Yerevan: Gitutyun, 1998. 202 p.
- Markaryan E'.S. Izbrannoe. Nauka o kul'ture i imperativy' e'poxi. [Selected. The science of culture and imperatives of the era] Sankt-Peterburg: Centr gumanitarny'x iniciativ Universitetskaya kniga, 2014. 656 p.
- Mitropolit Tixon. «Nesvyaty'e svyaty'e» i drugie rasskazy. ["Don't saintly saints" and other tells.] Izdanie Pskovo-Pecherskogo monasty'rya, 2018. 640 p.
- Nellas P. Obozhenie. Osnovy i perspektivy pravoslavnoj antropologii. [Deification. Fundamentals and prospects of Orthodox anthropology] M.: Nikeya, 2011. 300 p.
- Redcliff-Braun A. R. Struktura i funkcii v primitivnom obshchestve. [Structure and functions in a primitive society.] M.: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 2001. 304 p.
- Shhipkov V. By'la li kul'tura v rayu? [Was there a culture in paradise?] 2017. <https://pravoslavie.ru/105798.html>
- Shweder R. A. Thinking Through Cultures. Cambridge (Mass.), London (England): Harvard University Press, 1991. 404 p.
- White G. Ethnopsychology. In: New Direction in Psychological Anthropology. Cambridge: Cambridge Univ. Press.: 1992. Pp. 21-46.

Правильная ссылка на статью:

Лурье С. В. К формированию православной культурологии: первые опыты // Сибирский антропологический журнал. 2020. № 2 (06). С. 122-139. DOI: 10.31804/2542-1816-2020-4-2-120-137 URL: <https://www.intelsiberia.com/kopiya-2020-4-2-10>

Тираж: 300 экз.
Свободная цена
Дата выхода журнала: 30.06.20 г.

12+

Редакция научно-практического журнала
«Сибирский антропологический журнал»
660100, г. Красноярск, ул. Киренского, д. 67, оф. 106.
Тел.: +7-903-924-59-01
E-mail: smomg@yandex.ru

